

Сяо Яньцзы ничего не знала о разговоре, который провели Эр Тай и Эр Кан по возвращении в особняк. Если бы она узнала о нём, то её сердце поистине разорвалось бы от жалости к этому глубоко и преданно любящему её мужчине. Конечно, она наверняка упёрла бы руки в боки и принялась отчитывать Эр Тайя за то, что он не смеет бороться, не смеет ничего отстаивать, а умеет лишь отступать.

— Принцесса, пора отдыхать, на вашем теле всё ещё раны, — мягко напомнила Миньюэ.

— Хорошо, — покорно ответила Сяо Яньцзы и послушно легла. Миньюэ подоткнула ей одеяло и вышла.

Она увидела Эр Тайя, стоявшего позади Юн Ци на расстоянии всего в полшага... В те бесчисленные дни и ночи, когда она не видела его, неужели он вот так же в одиночестве шёл по длинным дворцовым дорожкам?

Её глаза внезапно защипало от подступивших слёз.

Эр Тай, подожди ещё немного, мысленно пообещала она. На этот раз я не позволю тебе идти такой долгий путь в одиночестве.

Ночь уже выдалась глубокой.

В обители Шуфан стояла тишина, лишь размеренно капала вода в водяных часах — капля за каплей, и в этой тишине звуки казались особенно отчётливыми.

Миньюэ и Цайся крепко спали в комнате для прислуги, изредка доносилось одно-два невнятных слова спросонья.

Сяо Яньцзы же увязла в кошмарном сне и никак не могла из него вырваться.

Ей приснилось, будто Отец-Император захотел выехать из дворца развеяться. Их свита уже была полностью готова в путь. Сначала они прибыли в какое-то место, где как раз праздновали событие: дочь местного богача бросала вышитый шар, выбирая себе суженого. Её собственная страсть ко всяким шумным зрелищам тут же заставила её потянуть за собой остальных. В ту пору у неё ещё не было того душевного настроения, и она не знала, что Юн Ци и Эр Тай испытывают к ней чувства. Пока толпа перебрасывала шар друг другу, стоило ему оказаться рядом с ней, как она отбивала его в сторону Юн Ци и Эр Тайя, что косвенно привело к тому, что тем же вечером Юн Ци открыл ей своё сердце и между ними завязалась неразрывная связь.

Вторым местом оказалась какая-то глушь за городом, где они столкнулись с тем, что люди чиновника Луо силой пытались забрать Цюй Ню и её отца, чтобы сделать девушку наложницей. Несколько человек проявили благородство и вмешались, помогли разрешить кризис и наказали чиновника Луо.

Третьим местом стал шумный рынок, где они встретили Цайлянь — почтительную дочь, которая продавала себя, чтобы похоронить отца. Щедрая помощь Юн Ци заставила Цайлянь привязаться к нему, что вызвало ревность Сяо Яньцзы. В сердцах она поскакала на лошади по загородным лугам, упала и повредила ногу, после чего они излили друг другу душу, и их чувства вспыхнули с новой силой. Четвертое место — это храмовая ярмарка, где Цзы Вэй попала в беду. Сяо Яньцзы, словно посторонний наблюдатель, стояла на углу улицы, и вся картина разворачивалась прямо перед ее глазами. То были остатки секты Великого Учения: притворившись простыми зеваками, они устроили на ярмарке суматоху и разлучили

процессию. Пожилые муж и жена, торговавшие вареными в чае яйцами, вытащили клинки и бросились на Отца-Императора, а Цзы Вэй выскочила вперед и заслонила его собой. Нет, Цзы Вэй, не надо! — захлебываясь слезами, истошно кричала со стороны Сяо Яньцзы. — Эр Тай!Эркан! Юн Ци, скорее сюда, идите же скорее...

Сяо Яньцзы воочию видела, как в самый критический для жизни момент Цзы Вэй все равно умоляла Отца-Императора даровать той помилование!

Сяо Яньцзы закрыла рот обеими руками, заливаясь горячими слезами, и без сил опустилась на коленки рядом с Цзы Вэй. Нет, умоляю тебя, умоляю...

Эта сцена с Цзы Вэй до боли напоминала тот момент, когда она сама вырвала кинжал из рук Наложицы Ю и вонзила его прямо себе в грудь...

Ее резко затрясло, она вскочила с кровати, судорожно хватая ртом воздух.

Нижнее белье уже насквозь промокло от холодного пота и липко прилегалось к спине. Она подняла руку и провела по лицу — оно было мокрым от слез или пота, разобрать было невозможно. Сердце бешено колотилось в груди, отзываясь тупой болью.

Она огляделась: знакомая спальня. Это был сон... всего лишь сон...

Нет, не сон.

То, что происходило в прошлой жизни, было наяву — это был ее собственный страшный опыт, врезавшийся в самую память.

Покушение... Цзы Вэй, заслонившая собой удар...

Каждое слово жгло память раскаленным железом, она отчетливо помнила каждую деталь.

Сяо Яньцзы откинула одеяло и босиком ступила на ледяной пол. Холод пронизал ее от кончиков пальцев ног до макушки, но от этого в голове стало только яснее.

На этот раз такого допустить нельзя.

— Принцесса? — донесся из внешней комнаты сонный голос Минъюэ, а затем послышался шорох. — Вы проснулись? Вам приснился кошмар? Вы хотите пить?

— Я в порядке, — Сяо Яньцзы услышала собственный голос: он страшно охрип. — Спи, не обращай на меня внимания.

Минъюэ, казалось, помедлила, но входить все же не стала, лишь тихо бросила: — Если что-то понадобится, зовите служанку.

Сяо Яньцзы больше не могла уснуть. Неужели ей просто взять и выложить Отцу-Императору, что появятся убийцы? Поверит ли он ее словам? Рассказать Эр Кану, Эр Таю и Юн Ци? Вдруг они сочтут ее монстром? Сама мысль о перерождении звучала слишком нелепо. Или предупредить Цзы Вэй, чтобы она не приближалась к Отцу-Императору? Тоже не выйдет: Цзы Вэй такая преданная, когда придет смертельный час, она все равно бросится наперерез.

Сяо Яньцзы устала на огонек свечи, и ее взгляд постепенно ожесточился. Была не была! Как бы трудно ни пришлось, она попытается. В этой жизни она начала готовиться так рано, уж точно все пойдет не так, как в прошлой.

Она глубоко вздохнула. Завтра! Завтра же она пойдет к Эр Таю, она станет учиться у него боевым искусствам! Ей нужно укрепить и отточить свои жалкие навыки! И Юн Ци, и Эр Кан... Ей нужно что-то придумать. Нельзя говорить напрямую, значит, придётся действовать окольными путями, исподволь заставляя их насторожиться, заставляя каждого отнестись к безопасности во время будущей поездки со всей серьёзностью.

Раннее утро следующего дня.

Едва забрезжил рассвет, как дверь обители Шуфан тихо приоткрылась.

Сяо Яньцзы, словно укравшаяся из дома кошка, на цыпочках проскользнула наружу и притворила дверь так бесшумно, что даже дежурившие евнухи ещё дремали.

Она не стала будить Минъюэ и Цайся, лишь наспех накинула первое попавшееся под руку удобное платье, поверх ночной одежды кое-как запахнула верхний халат, а волосы скрутила в беспорядочный пучок, даже не закрепив цветочными заколками — удержать пряди смогла лишь одна-единственная шпилька.

В её голове билась лишь одна мысль: найти Эр Тайя и выложить ему всё до того, как он заступит на дежурство.

Пространство для тренировок находилось в северо-восточном углу императорского парка, притупившись к небольшой сосновой рощице.

Обычно кто-либо приходил сюда на занятия только после часа дракона, и в этот утренний час здесь должно было быть совершенно пусто.

Но Сяо Яньцзы знала об одной незыблемой привычке Эр Тайя: каждый день, ровно с третьей стражи часа тигра до часа кролика, он непременно занимался здесь боевыми искусствами в полном одиночестве. Он как-то обмолвился: Стоит забросить технику владения клинком на один день — и навыки притупятся, а не потренируешься три дня — растеряешь всё окончательно.

Сяо Яньцзы спряталась за грудой синеватых валунов у входа на площадку, предназначенных для тренировки силы рук, и осторожно высунула голову наполовину.

И верно, на середине площадки кто-то был.

Эр Тай стоял к ней спиной, и его подтянутая фигура казалась немного размытой в утренней дымке.

На нём был тёмно-синий тренировочный костюм, туго перетянутый на поясе, рукава закатаны до локтей, обнажая рельефные предплечья с плавными линиями мышц. Зажатый в его руке длинный меч рассекал ещё не посветлевший утренний воздух, вычерчивая холодные, звенящие дуги.

Вжик — вжик-вжик!

Звук рассекающего воздух клинка был резким и чистым, наполненным скрытой свирепой силой.

Это были не показушные пируэты для представлений, а самые настоящие приёмы, закалённые

в реальных схватках.

Удары сверху, рубящие движения, выпады снизу и колющие тычки — каждый элемент был полон сокрушительной мощи, а мелкая пыль, поднятая потоком воздуха от меча, закручивалась воронками в тумане.

Припав к синему камню, Сяо Яньцзы затаила дыхание, заворуженно наблюдая за происходящим.

Она никогда раньше не приходила сюда смотреть на их тренировки, хотя и знала, что все трое благородных юношей были мастерами на зависть многим. Но она даже не представляла, что обычно мягкий, улыбчивый и неторопливый в разговорах Эр Тай во время тренировок преобразается до неузнаваемости: брови слегка сошлись на переносице, взгляд сосредоточен, точно у хищного сокола, отслеживающего добычу. В финальном движении, когда Эр Тай возвращал меч в ножны, сила его запястья пронзила весь клинок насквозь, издав лёгкий звенящий гул. Он шумно выдохнул, и облачко пара превратилось в густом холодном воздухе в крошечный клубок тумана.

Утреннее занятие подходило к концу. Влажные от пота пряди прилипли к бровям, а спина на тёмно-синей ткани гимнастического костюма потемнела от проступившего пота.

Надо же, какой он оказывается сильный! Глядя на сосредоточенно тренирующегося в центре площадки Эр Тайя, она даже захотела поаплодировать ему.

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как Эр Тай в центре площадки резко сменил стойку!

Кто там! — одновременно с глухим окриком его запястье взметнулось, и клинок со свистом вылетел из ножен! Острым движением кисти он заставил лезвие описать круговой возврат, и сам он, словно стремительный леопард, резко развернулся в сторону укрытия, где она пряталась. Это была инстинктивная бдительность мастера боевых искусств, почувствовавшего чужой взгляд. Длинный меч прочертил ослепительно-белую дугу в разреженном утреннем свете, со свистом рассекая воздух, и нацелился прямо в колеблющуюся тень за искусственной скалой!

За мгновение до того, как острие клинка врезалось в цель, Эр Тай заметил выглянувшую из-за камня половину лица: круглые миндалевидные глаза широко раскрыты, губы приоткрыты, растрёпанные пряди волос, а нефритовая шпилька криво воткнута в ослабленный пучок.

Это была Сяо Яньцзы.

Зрачки резко сузились. Остановить удар было уже поздно.

Цзинь!

Раздался не глухой звук удара о плоть и кости, а звонкий треск расколотого нефрита.

Лезвие едва-едва чиркнуло по виску Сяо Яньцзы, разрубив на куски небрежно вколотую в волосы нефритовую шпильку. Шпилька со звоном переломилась: одна её половина отлетела в сторону и шмякнулась оземь, а другая упрямо застряла в рассыпавшихся прядях, и половина густых волос водопадом упала на плечо, уже не в силах скрыть её испуганное лицо.

От сильнейшего испуга девушка потеряла равновесие и навзничь полетела назад.

Сяо Яньцзы!

Меч выскользнул из рук и упал на землю.

Эр Тай вытянул руку, пытаясь поймать падающую фигуру, и железными тисками обхватил её за талию, прижимая к груди. Но из-за внезапности происшествия он не успел скорректировать падение, и с глухим стуком они оба тяжело рухнули на землю. Спина Эр Тайя со всего маху врезалась в торчащий край крупного валуна у подножия горки.

И всё же он крепко прижимал Сяо Яньцзы к груди, не позволив ей задеть ни единого острого камня.

Ух!

Сдавленный стон вырвался сквозь его стиснутые зубы. Припав к нему грудью, Сяо Яньцзы отчётливо почувствовала, как всё его тело мгновенно напряглось, ощутила содрогание грудной клетки и тяжесть удара.

Эр Тай! — перепугалась она, суетливо пытаясь приподняться. — Ты обо что ударился? Сильно болит?

Не двигайся... — голос Эр Тайя был слегка хриплым. Он не выпускал её из объятий, немного переждал, пока тело отойдет от шока, и лишь тогда медленно выдохнул. — Я в порядке. А ты? Не ушиблась?

У Сяо Яньцзы защемило в носу, и она торопливо затрясла головой: Я не пострадала, прости меня, прости, во всем виновата только я... Сяо Яньцзы приподнялась, выскользнула из его объятий и опустилась на колени прямо на песчаную землю. Опустив голову, она заглянула ему в лицо и протянула руки, чтобы помочь подняться.

С поддержкой Сяо Яньцзы Эр Тай медленно сел. Его лицо из-за пережитого испуга и потери крови заметно побледнело, между бровей залегла легкая складка, но он все же выдавил из себя успокаивающую улыбку.

— Дурочка, что ты такое говоришь? Напугал тебя, да? — проговорил он и попытался встать, но его движения едва заметно заминали, а правая рука сама собой потянулась за спину.

— Не двигайся! — Сяо Яньцзы удержала его, ее глаза уже покраснели. — Дай взглянуть, ты случайно не ушиб кость?

Она обошла его сзади. Темно-синяя ткань на правом плече со спины пропиталась темным пятном — это была кровь.

Грубые острые грани камня разодрали не только одежду, но и кожу.

— Кровь... — в голосе Сяо Яньцзы слышались рыдания. Она протянула дрожащие пальцы, но боялась коснуться раны. — Наверное, это ужасно больно. Во всем виновата я, нечего было прятаться там, иначе ты бы не пострадал...

— Ты не виновата. — Эр Тай повернулся к ней, его голос звучал ровно и твердо, словно он констатировал самую простую истину. — Это я не рассчитал силы. Любой человек, занимающийся боевыми искусствами, услышав шорох, должен сначала насторожиться, но мне следовало сначала разглядеть, кто перед тем, как наносить удар. Во всем виноват я, я ведь чуть не ранил тебя.

Он посмотрел на ее покрасневшие глаза, и его голос смягчился еще сильнее:

— Я ведь напугал тебя, да? Тот меч... Скажи, ты точно нигде не ушиблась?

Тот удар мечом был настолько стремительным и леденящим душу, совсем как та стрела Юн Ци в императорских угодьях.

Но ведь та стрела Юн Ци действительно ранила ее,

А Эр Тай, разглядев ее в последний момент, так отчаянно попытался остановить клинок... Какую же боль это могло причинить ему самому...

— Нет... Я правда цела и невредима. — Она торопливо смахнула упавшие на лицо пряди за уши и испуганно ухватила Эр Тая за руку. — Нужно срочно обработать рану, пойдем в обитель Шуфан, я пошлю Сяо Чжоцзы и Сяо Дэнцзы за лекарем Ху...

Почувствовав леденящий холод ее пальцев, Эр Тай пришел в себя и только теперь заметил, во что она одета: поверх ночной одежды наброшено лишь легкое пальтишко. Хотя на дворе и не зима, но утренние росы обильны и прохлада все еще ощущается. К тому же она только недавно перенесла наказание палками и еще не до конца восстановилась, что же делать, если она снова простудится?

Что за срочные дела заставили ее вырядиться так и с самого утра поджидать его здесь?

— Не нужно, Сяо Яньцзы, я в порядке. У меня с собой есть целебный порошок, я сам позже обработаю рану. — Эр Тай посмотрел на ее руки, на мгновение замер, но все же накрыл ее ледяную ладонь своей здоровой рукой, пытаясь поделиться хоть каплей тепла, и произвел: — Почему у тебя такие холодные руки? Возвращайся скорее, переоденься во что-нибудь теплое.

Сяо Яньцзы не слушала.

Она не желала внимать ни единому слову Эр Тая о том, что все это пустяки, ерунда и не стоит беспокойства.

— Нет, ты идешь со мной. — В ее голосе звучало непреклонное упорство. Не дожидаясь ответа, она крепко вцепилась ему в неповрежденную руку и почти волоком потащила за собой прочь с плаца.

— Сяо Яньцзы, правда не нужно... — Эр Тай попытался остановиться, но от этого легкого сопротивления рана на спине отозвалась еще более жгучей болью, и капли холодного пота мгновенно выступили на его лбу.

— Замолчи! — Сяо Яньцзы резко обернулась, в ее глазах читалась почти свирепая тревога. — Ты кровоточишь! Я же вижу, тебе необходима нормальная помощь!

С упрямым видом отвернувшись, она больше не смотрела на него, а лишь упорно глядя перед собой, потащила его вперед быстрым шагом.

Эр Тай чувствовал, как горячая жидкость струится по спине, пропитывая пояс.

Попадавшие навстречу евнухи и служанки замирали от изумления при виде этой картины: принцесса Хуаньчжу в растрепанном виде, впопыхах накинутой одежде, буквально тащит за собой Второго господина Фу с окровавленной спиной. Зрелище выглядело совершенно неправдоподобно.

Дверь обители Шуфан распахнулась от сильного пинка Сяо Яньцзы.

— Минъюэ! Цайся! — во всю мочь позвала она, усаживая Эр Тая на табурет. — Живо несите горячую воду! И чистые белые отрезки ткани! Сяо Дэнцзы! Сяо Чжоцзы, бегом в императорскую лечебницу! Живо позовите лекаря Ху!

Вся обитель Шуфан в мгновение ока пришла в движение.

Услышав о необходимости звать лекаря, Цзы Вэй и Цзиньсо в испуге вскочили с постелей. Минъюэ и Цайся, увидев пугающую кровавую рану на спине Эр Тая, побледнели от страха и в суматохе принялись выполнять поручения, а Сяо Дэнцзы кубарем выкатился за дверь.

— Сяо Яньцзы, что здесь произошло? — Цзиньсо, заметив неподобающий вид Сяо Яньцзы, сбегала в комнату за другим платьем, чтобы та переоделась. Выбежавшая вслед за ней Цзы Вэй с тревогой уставилась на Эр Тая и спросила.

— Я... я хотела пойти к Эр Тай поучиться боевым искусствам, но увидела, что он тренируется, и не стала шуметь... А Эр Тай подумал, что это убийца... Я испугалась и оступилась, а Эр Тай, чтобы поймать меня и не дать упасть, сам напоролся на камень, во всем виновата я... — сбивчиво проговорила Сяо Яньцзы, переодевшись и выбежав обратно, ее голос слегка дрожал...

Эр Тай хотел покачать головой, но у него, казалось, не осталось на это даже сил.

С самого утра он еще ничего не ел, а теперь из-за ранения и потери крови в голове все затуманилось, и он ощущал лишь сдавленный, растерянный голос Сяо Яньцзы.

Лекаря Ху приволокли под руки Сяо Дэнцзы и Сяо Чжоцзы. Старик тяжело дышал, едва не выронив свой медицинский чемоданчик.

Бросив первый же взгляд на рану Эр Тая, лекарь Ху шумно втянул воздух:

— Это... это обо что же он так ударился? Рана глубокая, нужно немедленно очистить ее и остановить кровь!

— Лекарь Ху, скорее осмотрите Эр Тая... — Сяо Яньцзы была на грани отчаяния.

Лекарь Ху достал пузырек с порошком и щедро засыпал его прямо на рваную рану. Лекарство обожгло обнаженное мясо, тело Эр Тая невольно ссутулилось в судороге, суставы его пальцев побелели от напряжения, но он не издал ни звука.

Сяо Яньцзы стояла рядом, впившись ногтями в собственную ладонь через ткань платья.

Она смотрела, как лекарь Ху щипцами извлекает застрявшие в плоти кусочки камня, как непрерывно сочится кровь, которую тут же промокают салфетками, смотрела на эту страшную зияющую рану на спине Эр Тая, и никогда еще она так люто не ненавидела собственную опрометчивость, так остро не ощущала жуткий страх потерять близкого человека.

Этот страх затмил даже тени воспоминаний о прошлой жизни — потому что кровь перед ее глазами была настоящей, боль была настоящей, и мгновенно потерявший краски лик Эр Тая был до жути реальным.

Шум поднялся такой сильный, что в конце концов потревожил тех, кого тревожить было никак нельзя. Глава 13: Наказание Сяо Яньцзы

Первым прибежал Юн Ци. Едва поднявшись и приводя себя в порядок перед зеркалом, он услышал испуганный доклад слуги о том, что принцесса Хуаньчжу приволокла в обитель Шуфан всего в крови Второго господина Фу. В голове у него громынуло, и он сломя голову бросился туда.

Переступив порог обители Шуфан, он застал картину: заплаканная Сяо Яньцзы с тревогой наблюдает со стороны, как лекарь Ху оказывает помощь Эр Тай, а тот с обнаженным торсом лежит, склонившись на спинку стула, пока старый лекарь обрабатывает рваную, с вывернутыми краями рану.

— Эр Тай?! Что... что здесь случилось?! — в его голосе звучала паника, которой он сам не замечал.

Почти одновременно с этим из-за двери раздался голос Цяньлуна — в грозных нотках сквозило недоумение:

— Что за происшествие в обители Шуфан, с самого утра потребовалось звать императорского лекаря! Кто ранен? У Сяо Яньцзы снова открылись старые раны?

Отец-Император пожаловал.

Позади него шел Эр Кан с суровым лицом, чей цепкий взгляд мгновенно окинул всю комнату и остановился на младшем брате.

Все находившиеся в обители Шуфан попадали на колени.

Взгляд Цяньлуна сначала упал на Сяо Яньцзы, а затем переместился на зашиваемую рану на спине Эр Тая, и глаза императора тяжело потемнели.

— Встаньте и докладывайте, — в голосе Цяньлуна не было слышно эмоций. — Лекарь Ху, каково состояние Второго господина Фу?

Не прекращая работы, лекарь Ху почтительно ответил:

— Докладываю Вашему Величеству, рана у Второго господина Фу глубокая, он потерял немало крови, к счастью, кости и сухожилия не задеты. Осколки камня извлечены, теперь необходимо вовремя менять повязки и обеспечить постельный режим, избегая любых резких движений, чтобы швы не разошлись.

Цяньлун кивнул, снова бросил взгляд на Сяо Яньцзы и, заметив ее заплаканные, полные тревоги глаза, понял, что толку от нее сейчас не добиться. Тогда он повернулся к Эр Тай:

— Эр Тай, при каких обстоятельствах ты получил такое ранение?

Бледный Эр Тай попытался приподняться для ответа, но Цяньлун жестом остановил его, велел оставаться на месте. Тому пришлось сохранить прежнее положение, а его голос, ослабленный от боли и кровопотери, звучал глухо, но отчетливо:

— Докладываю Вашему Величеству, это я... утром на плацу занимался боевыми искусствами, из-за недостаточного мастерства не рассчитал движения и налетел на искусственную скалу. Рана поверхностная, ничего серьезного, прошу прощения за то, что потревожил покой Его Величества, преступление вашего слуги карается смертной казнью.

Он высказался предельно кратко, полностью взяв всю вину на себя и не упомянув о Сяо Яньцзы ни единым словом.

— Неужели? — раздался вопрос Цяньлуна. Нахмурившись, он перевел испытующий взгляд на Сяо Яньцзы: — Сяо Яньцзы, до моих ушей дошло, будто это ты притащила Эр Тая обратно?

Сяо Яньцзы снова с глухим стуком рухнула на колени. Она приоткрыла рот, вспомнив недавнее утаивание правды со стороны Эр Тая и тот страшный миг, и виновато произнесла:

— Отец-Император... во всем виновата я. Я хотела пойти к Эр Тай поучиться боевым искусствам, увидела, что он увлечен тренировкой, и спряталась за камнем, чтобы напугать его... А Эр Тай... он подумал, что это вор... Я... оступилась, и чтобы поймать меня и защитить от падения, Эр Тай сам ударился о камни...

Она путалась в словах, взваливая всю вину на себя: — Отец-Император, не наказывайте Эр Тая, если бы не он, сейчас дыра в спине красовалась бы у меня...

Цяньлун молча слушал, задерживая взгляд на ее перемазанном слезами и соплями лице, а затем перевел его на стиснутое от боли лицо Эр Тая.

— Безобразие! — сурово бросил Цяньлун, хотя в его тоне не было ярости. — Разве место для тренировок в императорском дворце — это балаган для детских игр?

<http://bllate.org/book/22027/2290100>